

■ ■ ■ Коммуникативные аспекты социальной адаптации трудовых мигрантов и их интеграции в полиэтническое пространство регионов

Назарова Е.А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация.

Аннотация. В статье излагается авторское видение результатов социологического исследования, проведенного специалистами ИС РАН в Краснодарском крае, Республике Адыгее, Нижегородской области и Тюменском регионе (ТО, ХМАО, ЯНАО) по гранту РНФ № 15-18-00093 «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных / земляческих групп» и монографии А.В. Дмитриева и В.В. Воронова¹.

По результатам вторичного анализа социологических данных автор выявляет коммуникативные модели социальной адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество на основе предпочитаемых субъектов и каналов коммуникации. Рассмотрены основные коммуникативные проблемы, как нехватка коммуникативных площадок, изданий на национальных языках, актуальных новостных каналов, транслирующих местные новости и ситуации на родине мигрантов на родных языках и др.

Ключевые слова: трудовые мигранты, социальная адаптация, коммуникативные модели, диаспоры и землячества

Для цитирования: Назарова Е.А. Коммуникативные аспекты социальной адаптации трудовых мигрантов и их интеграции в полиэтническое пространство регионов // Коммуникология. 2018. Том № 6. №4. С. 37-44. DOI 10.21453/2311-3065-2018-6-4-37-44.

Сведения об авторе: Елена Александровна Назарова, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики РАНХиГС. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 84. E-mail: helena_nazarova@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 08.08.2018. Принята к печати: 18.08.2018.

Проблемы трудовой миграции, явно детерминированные социально-экономическими условиями, как принимающей территории, так и стран исхода мигрантов [Lukes; Belgiojoso, Terzera], сохраняет свою актуальность и в современных условиях системного экономического кризиса [Urrastabaso], переживаемого не только нашей страной и в связи с международной обстановкой, экономическими санкциями, и с рецидивом и последствиями мирового экономического и политического кризиса, но и большинством стран Европы [Prieto-Rosas, Recaño, Quintero-Lesmes; Bernard, Bell; Toma, Castagnone, Richou].

¹ Дмитриева А.В., Воронов В.В. (2017). Адаптация и интеграция полиэтнического пространства регионов России: проблемы, рекомендации (монография) / Дмитриев А.В., Воронов В.В. М.: Новый хронограф.

Помимо объективных экономических и политических факторов, обуславливающих нестабильное миграционное настроение, серьезным дестабилизирующим элементом является находящаяся в затянувшейся стадии формирования система миграционного учета и контроля, а также отдельные серьезные искажения ее реализации на практике [Vasilieva, Danilova, Tokareva].

Миграционный прирост населения был в пределах 310-290 тыс. человек ежегодно с 2011 года и в 2016 году составил почти 300 тыс. человек¹. Визуально наблюдаемый отток временных трудовых мигрантов-выходцев из бывших союзных республик, обусловленный падением курса рубля относительно американской и европейской валюты, похоже, был не столь масштабным и, вероятно, компенсировался притоком мигрантов, рассматривающих Россию как страну для длительного или даже постоянного проживания.

В этой связи основной целью действий исполнительной власти на местах становится повышение привлекательности территорий с дефицитом трудовых ресурсов для внешних трудовых мигрантов, помощь в их стремлении закрепиться в стране и идентифицировать себя с принимающим обществом с учетом русского социокультурного типа. Однако, по мнению авторов монографии, эти действия наталкиваются на множество объективных (нехватка материальных, кадровых, информационных ресурсов) и субъективных препятствий (негативный психологический прессинг на работу ФМС, встречающийся негативный дискурс СМИ по этноконфессиональным проблемам, разнообразные практики в узкогрупповых интересах представителей диаспор и землячеств и др.) [Дмитриев, Воронов]. Необходимо отметить, что материалы, изложенные в монографии А.В. Дмитриева и В.В. Воронова настолько объемны и многогранны, могут послужить основанием для множества аналитических исследований и сопоставлений. Так, помимо рассмотренных в монографии вопросов социальной адаптации мигрантов в регионах, особенностей взаимоотношений и взаимодействия их сообществ (диаспор и землячеств) с местным сообществом, нам было интересно рассмотреть и очевидные изменения в доминирующих адаптационных стратегиях прибывающих трудовых мигрантов.

Основываясь на результатах социологического исследования, проведенного авторами монографии и их коллегами из Института социологии РАН летом 2016 г. методом фокусированного-группового интервью среди трудовых мигрантов-представителей определенных диаспор и землячеств, а также экспертного опроса среди руководителей этих общественных объединений, можно выявить несколько основных моделей социальной адаптации трудовых мигрантов, базирующихся на различных коммуникативных стратегиях. В данном случае речь идет в большей степени именно об адаптации, т.к. большинство из опрошенных предполагают продолжительное пребывания на территории Рос-

¹ Общие итоги миграции населения // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [эл. ресурс]: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

сии и краткосрочные выезды на родину. Кроме того, опрашивались не только недавно прибывшие трудовые мигранты, а также те, кто уже проживает и трудится в регионах от 4 и более лет, причем среди «долгожителей», проживающих и работающих в России более 10 лет (а были и те, кто здесь с середины 1990-гг.) есть те, кто предполагает выехать на родину, лишь выйдя на пенсию в России.

Итак, эти модели можно условно отнести к нескольким категориям, в зависимости от предпочтительных субъектов коммуникации:

Акцент на взаимодействии с мигрантами-земляками, с которыми совместно, либо в один и тот же период приехали в регион – внутригрупповые коммуникации в данном случае являются предпочтительными, обусловлены общностью языка, интересов, возможностью совместного задействования адаптационных ресурсов (жизнь «вскладчину», совместное проживание и ведение быта). Этой коммуникативной модели адаптации чаще всего придерживаются трудовые мигранты из Средней Азии, и Северного Кавказа, которые приехали на короткий период в рамках разового контракта и планируют обязательно и вовремя выехать из России.

Активная интеграция в диаспоральное сообщество – поиск «выходов» на стажилов диаспоры, формирование соответствующих контактов и социальных связей, способствующих социальной адаптации, задействование предлагаемых социальных ресурсов. Этой коммуникативной интегративной модели придерживаются трудовые мигранты, планирующие относительно длительное пребывание и официальное трудоустройство в России, не прерывающие контактов с родиной и рассчитывающих на помощь ранее прибывших и обустроившихся земляков и сородичей. В большей степени свойственна эта модель так же представителям Средней Азии, Северного Кавказа.

Концентрация на профессиональной реализации – основные контакты ограничены трудовой деятельностью и профессиональной сферой. В сферу данных контактов могут входить и земляки, и представители других диаспор и землячеств, а также местное население, работающее на данном предприятии. Как правило, такая модель свойственна временным трудовым мигрантам, работающим «вахтовым методом», либо предполагающим свою трудовую занятость на определенный лимитированный период. В большей степени свойственна выходцам из Украины и землякам из регионов России, которые отличаются незначительной этнической консолидацией.

Ориентация на взаимодействие с местным сообществом, значимость взаимоотношений с местными жителями – данная модель свойственна трудовым мигрантам, прибывшим на длительный срок, либо предполагающим получение вида на жительство и гражданства России. В этом случае чаще всего практикуется не компактное поселение мигрантов, как в случае с первыми тремя моделями, а дисперсное расселение, активная интеграция во все сферы жизнедеятельности сообщества, взаимодействие с большинством социальных институтов, как образование (изучение языка, обучение детей в школах), здравоохранение (прикрепление к поликлиникам по месту жительства), экономика (легальная за-

нотости и регулярные налоговые платежи). Участие в общественной жизни местного сообщества (субботники, собрания, другие мероприятия). Данная модель успешно реализуется чаще всего представителями Армении и Азербайджана длительное время проживающими на территории Тюменской и Нижегородской областей, Краснодарского края, и связывающими с Россией судьбу своих детей.

Относительно основных предпочтительных среди трудовых мигрантов каналов коммуникации, можно выделить следующие коммуникативные модели:

- традиционную модель, основанную на непосредственном личном общении людей. В большей степени она свойственна представителям старшего поколения и трудовым мигрантам с ограниченными социальными ресурсами, имеющих узкий круг знакомых и коллег, с которыми устанавливаются контакты;

- модель «сотовых контактов», когда основным средством коммуникации становится мобильный телефон и у абонента формируется определенный круг общения, который не ограничен территорией пребывания (довольно часты контакты с земляками, проживающими в данный момент на других территориях), а скорее ограничен кругом общения. В этом случае зачатую срабатывает «правило шести рукопожатий», когда для решения возникшей проблемы «находится знакомый моего знакомого, который поделился контактом своего одноклассника, у которого есть выход на человека, который может помочь».

- «сетевая модель», предполагающая оптимальное использование коммуникативных возможностей Интернета и социальных сетей, в большей степени свойственна молодому поколению трудовых мигрантов, либо второму поколению, уже рожденному в России. В данном случае предпочтение отдается виртуальному общению, однако пока рано говорить о замещении данной моделью двух ранее упомянутых, скорее происходит их взаимное дополнение. Однако респонденты отмечают большую оперативность распространения информации, возрастающую аудиторию и относительную дешевизну этого метода коммуникации [Воронцов, Понеделков, Шарков].

Кроме того, можно отметить и востребованность традиционных каналов массовой коммуникации среди трудовых мигрантов (этот аспект актуален также и для трудовых мигрантов, приезжающих в крупные города Китая [См.: Xuefeng Niu, Wei Xu, Ye Liu, Guixin Wang, Klein; Wei Xu, Li Yu, Yu Zhu, Liyue Lin; Mingfeng Wang, Yuemin Ning]): многие респонденты отмечали явную нехватку печатной прессы – газет и журналов, издающихся на национальном языке и отражающих помимо актуальных вопросов жизнедеятельности диаспоры (землячества), также основные политические, экономические события и иные новости с родины. Это обусловлено желанием поддержания в рабочем состоянии национального языка, а также ограниченностью или недоступностью печатных СМИ из страны исхода, а если и доставляемых, то малым тиражом и с большим опозданием.

Этими же причинами обусловлен интерес трудовых мигрантов к новостным теле- и радиопрограммам на родном языке. Как правило, это сопряжено с техническими проблемами, необходимостью установки дорогостоящего оборудования, либо задерживания опять-таки, сети Интернет.

Кроме того, можно отметить явный дефицит коммуникативных площадок – мест, где трудовым мигрантам было бы комфортно реализовывать свои коммуникативные потребности. Помимо традиционных сборов по знаменательным, праздничным и траурным поводам в кафетериях (зачастую с традиционной национальной кухней, как правила хозяина-земляка), редким, но желанным мероприятиям спортивного и культурного характера (футбольные матчи, междиаспоральные спартакиады, «сабантуи», фестивали национальной культуры (кухни, танца, песни и т.д.), респонденты отмечают потребность в определенном помещении, куда они могли бы прийти со своими проблемами, тревогами или радостью, быть услышанными земляками, получить юридическую помощь в оформлении документов, перевести документы для их дальнейшей нострификации, да и просто пообщаться с земляками на родном языке.

Так, тюменские татары (сибирские) очень сплоченный и дружелюбный народ, однако официального статуса сибирские татары не имеют, что препятствует сохранению языка и культуры на территории. Центр татарской культуры смог бы решить все проблемы по сохранению и воспроизводству культуры. При опросе представителей украинской общины Тюменской области, выяснилось, что большинство украинцев проживают на территории области уже не в первом поколении и многие не знают родного языка, говорят только по-русски. Та же проблема с украинской и армянской диаспорой практически во всех исследуемых регионах и вопрос о культурных центрах или учреждениях мультикультурного характера, где можно было бы организовывать дополнительные курсы по изучению родного языка и различные культурно-массовые мероприятия, стоит довольно остро.

Учреждения типа Московского дома национальностей, возможно, не такого масштаба как в столице, однако исполняющие схожие функции консолидации национальной общественности, содействия в выстраивание системы внутридиаспоральной коммуникации и взаимодействия с другими диаспорами и землячествами, местным населением будут весьма востребованы и в регионах, крупных и малых городах, в тех населенных пунктах, где наблюдается приток населения за счет трудовых мигрантов. Также можно порекомендовать задействовать действующие пока в регионах, однако, находящиеся в разной степени оснащенности оборудованием, муниципальные библиотеки и центры внешкольного и дополнительного образования.

Как показывает практика и результаты опроса, ту или иную этническую диаспору в регионе нельзя рассматривать как единое целое, необходимо различать местных жителей того или иного этнического происхождения и вновь возникающие, специфические по своим культурным стандартам, мигрантские сообщества. При этом больше солидарности иногда можно обнаружить между мигрантами разного этнического происхождения, чем, между длительно проживающими на территории и вновь прибывшими трудовыми мигрантами.

Официальные диаспорные организации, действующие в России, преимущественно занимаются обслуживанием групповых интересов уже состоявшихся граждан России иностранного происхождения. По отзывам трудовых мигран-

тов, им об этих организациях мало что известно (в среднем менее 7% знают о них, и еще меньшая доля обращались к ним за поддержкой) Оценка эффективности такой поддержки крайне низка. Сложившиеся диаспорные общины крайне неохотно принимают в свою среду простых людей со своей бывшей родины. Зачастую мигранты самоорганизуются в альтернативные (иногда теневые) общества взаимопомощи по этническому или/и земляческому признаку. Таким образом, поддержку временным трудовым мигрантам оказывают не диаспорные организации, а неформальные сети. Гораздо чаще мигранты обращаются к местным друзьям и знакомым, реже не ожидают помощи вообще ни от кого, что свидетельствует о нарастании отчужденности, снижении сплоченности, росте недоверия к окружающему миру. Еще реже мигранты обращаются к местным властям, и лишь за тем в рейтинге следуют «национальные организации» [Дмитиев, Назарова, Кузнецов, Леденева].

Проблему здесь составляет не только недостаточная поддержка мигрантов диаспорами или неформальными сетями, но и формы этой поддержки, зачастую откровенно использующие новых мигрантов для наживы или становящиеся криминальными: устройство на работу за процент, выбивание зарплаты за процент, рекрутирование новых иммигрантов.

«Миграционные сети» информируют потенциальных мигрантов о наличии работы, об условиях проживания, о возможности заработка. Некоторые уже освоившиеся в России трудовые мигранты или ставшие постоянными жителями России (гражданами либо промежуточными статусами) выходцы из Нового Зарубежья, эксплуатируют своих земляков, берут у них откаты за предлагаемую работу, мзду за трудоустройство и помощь в получении мест проживания.

В этой связи задачи самоорганизующихся «новых» этнических общин, в своем подавляющем большинстве уверенных, что местные жители никогда не будут считать их своими, коренным образом отличаются от намерений (по крайней мере, декларируемых) официальных национально-культурных автономий (НКА), центров (НКЦ) и объединений (НКО), что иногда предопределяет прохладные отношения между ними.

Учет исконных интересов и потребностей трудовых мигрантов, их согласуемость с интересами принимающего региона и его населения, помощь в выстраивании конструктивной системы их коммуникации, ориентация на определенную коммуникативную модель социальной адаптации, позволит минимизировать остроту возникающих зачастую социальных напряженностей в регионе, вызванных проблемами взаимодействия местного населения с трудовыми мигрантами, внутри- и междиаспоральными коммуникациями.

Новые возможности интеграции всех народов полиэтнической России, по мнению авторов монографии, появятся лишь при центростремительной энергии государства, стремящегося консолидировать людей вокруг исконных российских ценностей. Адаптация, консолидация и интеграция трудовых мигрантов, диаспор и землячеств в региональные социумы – двусторонний процесс, включающий экстерииоризацию ценностных ориентиров, норм и правил региональных

и местных сообществ с учетом интересов диаспор и земляческих общественных объединений с одной стороны, и интериоризацию этих ориентиров, норм и правил в диаспорах и землячествах на основе общероссийской идентификации.

Источники

Дмитриев А.В., Воронов В.В. (2017). Адаптация и интеграция полиэтнического пространства регионов России: проблемы, рекомендации / Дмитриев А.В., Воронов В.В. М.: Новый хронограф.

Дмитриев А.В., Назарова Е.А., Кузнецов И.М., Леденева В.Ю. (2014). Мигранты в Москве. Проблемы и перспективы. Москва.

Belgiojoso E., Terzera L. (2018). Family reunification – who, when, and how? Family trajectories among migrants in Italy // *Demographic Research*, Vol. 38 (JANUARY – JUNE 2018), P. 737-772.

Bernard A., Bell M. (2015). Smoothing internal migration age profiles for comparative research // *Demographic Research*, Vol. 32 (JANUARY – JUNE 2015), P. 915-948.

Lukes S. (1975). Political ritual and social integration // *Sociology*, Vol. 9, No. 2, P. 289-308.

Mingfeng Wang, Yuemin Ning (2016). The Social Integration of Migrants in Shanghai's Urban Villages // *China Review*, Vol. 16, No. 3 (Special Issue: Migration and Development in China). P. 93-120.

Prieto-Rosas V., Recaño J., Quintero-Lesmes D. (2018). Migration responses of immigrants in Spain during the Great Recession // *Demographic Research*, Vol. 38 (JANUARY – JUNE 2018), P. 1885-1932.

Toma S., Castagnone E., Richou S. (2015). Quels sont les facteurs de migration multiple en Europe? Les migrations sénégalaises entre la France, l'Italie et l'Espagne // *Population* (French Edition). Vol. 70, No. 1, P. 69-91, 93-101

Urrastabaso U.R. (2018). Modern Societies and National Identities. Legal Praxis and the Basque-Spanish Conflict. In: Identities and Modernities in Europe. Springer International Publishing.

Vasilieva E., Danilova E., Tokareva S. (2017). Migration attractiveness of the social and economic spaces: Volgograd case study // *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management*, Vol. 12, No. 1, P. 5-20.

Wei Xu, Li Yu, Yu Zhu, Liyue Lin (2016). Beyond Human Capital: Determinants of Migrant Labor Market Outcomes in Urban China // *China Review*, Vol. 16, No. 3 (Special Issue: Migration and Development in China). P. 175-211.

Xuefeng Niu, Wei Xu, Ye Liu, Guixin Wang, Klein K.K. (2016). Job-Search Channels of Migrant Workers in Large Chinese Cities: A Case Study of Shanghai // *China Review*, Vol. 16, No. 3 (Special Issue: Migration and Development in China). P. 69-91.

■ ■ ■ Social Adaptation of Labor Migrants and their Integration into the Polyethnic Space of Regions: communicative aspects

Elena A. Nazarova

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Abstract. The paper represents the author's vision of the results of a sociological survey conducted by the specialists of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science (RAS) in Krasnodar within the grant project of Russian Science Foundation No. 15-18-00093 "Forecasting the Modeling of Interethnic Relations in Russian Regions (based on the analysis

of the identification strategies of diaspora / land groups” and the monograph by A.V. Dmitriev and V.V. Voronov¹. Based on results of the secondary analysis of sociological data, the author reveals communicative models of social adaptation and integration of migrants in the host community by preferred subjects and channels of communication. The author considers and systematizes the main communicative problems, such as the lack of communication platforms, publications in national languages, current news channels, broadcasting local news and situations in the homeland of migrants in their native languages.

Keywords: labor migrants, social adaptation, communicative models, diasporas and communities

For citation: Nazarova E.A. Social adaptation of labor migrants and their integration into the polyethnic space of regions: communicative aspects. *Communicology (Russia)*. 2018. Vol. 6. No.4. P. 37-44. DOI 10.21453 / 2311-3065-2018-6-4-37-44.

Inf. about the author: Elena Aleksandrovna Nazarova, Dr. Sc. (Soc.) Professor at the department of public relations and mediapolicy, RANEPa. Address: 119571, Russia, Moscow, Vernadsky av., 84. E-mail: helenanazarova@mail.ru.

References

- Belgiojoso E., Terzera L. (2018). Family reunification – who, when, and how? Family trajectories among migrants in Italy. *Demographic Research*, Vol. 38 (JANUARY – JUNE 2018), P. 737-772.
- Bernard A., Bell M. (2015). Smoothing internal migration age profiles for comparative research. *Demographic Research*, Vol. 32 (JANUARY – JUNE 2015), P. 915-948.
- Dmitiev A.V., Nazarova E.A., Kuznetsov I.M., Ledeneva V.Y. (2014). Migrants in Moscow: problems and prospects. Moscow (In Rus.).
- Dmitriev A.V., Voronov V.V. (2017). Adaptation and integration of the polyethnic space of Russian regions: problems, recommendations. Moscow: The New Chronograph (In Rus.).
- Lukes S. (1975). Political ritual and social integration. *Sociology*, Vol. 9, No. 2, P. 289-308.
- Mingfeng Wang, Yuemin Ning (2016). The Social Integration of Migrants in Shanghai's Urban Villages. *China Review*, Vol. 16, No. 3 (Special Issue: Migration and Development in China). P. 93-120.
- Prieto-Rosas V., Recaño J., Quintero-Lesmes D. (2018). Migration responses of immigrants in Spain during the Great Recession. *Demographic Research*, Vol. 38 (JANUARY – JUNE 2018), P. 1885-1932.
- Toma S., Castagnone E., Richou S. (2015). Quels sont les facteurs de migration multiple en Europe? Les migrations sénégalaises entre la France, l'Italie et l'Espagne. *Population (French Edition)*. Vol. 70, No. 1, P. 69-91, 93-101 (In Fr.).
- Urrastabaso U.R. (2018). Modern Societies and National Identities. Legal Praxis and the Basque-Spanish Conflict. In: Identities and Modernities in Europe. Springer International Publishing.
- Vasilieva E., Danilova E., Tokareva S. (2017). Migration attractiveness of the social and economic spaces: Volgograd case study. *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management*, Vol. 12, No. 1, P. 5-20.
- Wei Xu, Li Yu, Yu Zhu, Liye Lin (2016). Beyond Human Capital: Determinants of Migrant Labor Market Outcomes in Urban China. *China Review*, Vol. 16, No. 3 (Special Issue: Migration and Development in China). P. 175-211.
- Xuefeng Niu, Wei Xu, Ye Liu, Guixin Wang, Klein K.K. (2016). Job-Search Channels of Migrant Workers in Large Chinese Cities: A Case Study of Shanghai. *China Review*, Vol. 16, No. 3 (Special Issue: Migration and Development in China). P. 69-91.

¹ Dmitriev A.V., Voronov V.V. (2017). Adaptation and integration of the polyethnic space of Russian regions: problems, recommendations. M.: New chronograph (In Rus.).